

Протоиерей Константин Костромин

Братство при приходе или приход при братстве? К истории русско-эстонского Православного братства во имя священномученика Исидора Юрьевского в Петербурге

Братство во имя сщмч. Исидора Юрьевского было создано в Петербурге на базе эстонского прихода в 1898 г., сразу после окончательной¹ канонизации святого. Новое братство оказалось своеобразным «слепком» с Православного прибалтийского братства М. Н. Галкина-Враского, хотя и имело заметно иные по сравнению с ним цели. В первую очередь планировалось при содействии братства возвести в столице эстонский православный храм и наладить церковную жизнь православных эстонцев. В достаточно скором времени на деньги братства был построен приходской дом, в котором оно организовало разнообразную социальную работу — были открыты школа, приют, работный дом, типография, библиотека с читальным залом. В силу жесткой привязки к приходу, частью которого братство являлось, не будучи выделено ни организационно, ни структурно, оно должно было разделить судьбу прихода. Активная жизнь братства и прихода начала угасать еще в 1915 г., когда организатор братства, строитель и настоятель храма сщмч. Исидора Юрьевского прот. Павел Кульбуш, будущий священномученик Платон, епископ Ревельский, занялся заботами общепархиального масштаба. 1917 год еще более существенно подорвал деятельность братства: сначала уход на Ревельскую кафедру первого настоятеля, затем отток в Эстонию бывших прихожан храма, экономический кризис, отделение школы от церкви заставили отказаться практически от всех социальных

1. Вопрос о канонизации Исидора очень запутан и есть сведения, что впервые она была проведена еще в XVI в., однако из-за отсутствия его почитания была проведена фактически снова в конце XIX в.

проектов. К началу 1918 г. приход номинально продолжал числиться как приход эстонского православного братства, однако вскоре братство перестали вспоминать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: православное братство, православные эстонцы, Исидор Юрьевский, Павел Кульбуш, Платон Ревельский, Свято-Исидоровский храм, православный приход, православие в Петербурге.

Братство во имя сщмч. Исидора Юрьевского было создано в Петербурге на базе уже существовавшего эстонского прихода в 1898 г. Причины создания братства нужно искать в тех процессах, которые происходили в этнической карте, социальной организации столицы Российской империи и политических установках властей предрежащих в последние два десятилетия XIX века.

Этнические миграции, вызванные бурным промышленным развитием северо-запада России и, как следствие этого, мощными социальными сдвигами, привели к резкому увеличению численности эстонского населения в Санкт-Петербургской губернии и в ее столице. В последние два десятилетия XIX в. активно развивавшиеся петербургские заводы остро нуждались в рабочей силе. Бедное в своей массе крестьянское эстонское население все активнее пользовалось возможностью перебраться в столицу, где, как казалось, можно относительно легко найти работу, пропитание и жилье, при этом имея возможность откладывать деньги для помощи оставшимся на родине близким. Прирост эстонского населения, в основном лютеранского вероисповедания, стал поводом к открытию лютеранской кирхи на Офицерской улице (ныне — улица Декабристов), наиболее близко расположенной к одному из основных мест работы эстонских чернорабочих — к Адмиралтейским верфям [Мусаев].

Увеличение числа эстонцев, в свою очередь, привело к появлению различных общественных организаций, которые объединяли их на чужбине, помогали попавшим в трудные обстоятельства, организовывали социальную защиту, досуг рабочих, занимались их политическим воспитанием. Только эстонских обществ, товариществ и т. п. в самом Санкт-Петербурге в начале XX в. было не менее 15, а если брать данные по всей губернии, то таких обществ насчитывалось не менее 30 (нужно отметить, что значительная их часть находилась в Нарве, принадлежавшей тогда Санкт-Петербургской губернии).

Помня о последствиях неконтролируемого развития польского национального движения в середине XIX в., правительство Александра III взяло курс на русификацию окраин. Одним из инструментов русификации было распространение православия на лютеранских и католических землях Прибалтики и Польши, а также активная поддержка тех представителей народонаселения, которые уже были крещены в православии. В столице эта поддержка выразилась сначала в появлении двух инициатив — прибалтийского прихода, в котором служил священник, этнический прибалт, а также в создании бывшим эстляндским губернатором М. Н. Галкиным-Враским, содействовавшим русификации Прибалтики, на основе нескольких малых прибалтийских братств Православного прибалтийского братства с главным представительством в Петербурге. Целью деятельности Православного прибалтийского братства, созданного в 1882 г., была финансовая помощь и организационная поддержка православных приходов и церковно-приходских школ Прибалтики на средства, которые можно было, пользуясь высоким общественным положением М. Н. Галкина-Враского, раздобыть в столице [*Двадцатипятилетие братства, 5–7; Костромин 2018*].

Однако не все шло гладко. Прибалтийские приходы не начинали жить лучше из-за бюрократической волокиты и неспособности Православного прибалтийского братства найти по-настоящему крупные средства, а в прибалтийском приходе Петербурга, возглавлявшемся свящ. Адамом Симо, к началу 1890-х гг. наметился раскол. Выделиться хотела именно эстонская православная диаспора² [*Костромин 2009, 56–58*]. Впоследствии летом 1917 г. на Прибалтийском православном съезде латыши и литовцы заявляли, что вполне могут удовлетвориться русским языком в церковном делопроизводстве, а книги могут быть как на русском, так и на национальных языках, и появление национальных епархий хотя и приветствуется, но не является целью в близкой перспективе, эстонцы же настаивали на использовании эстонского языка за богослужением и в делопроизводстве, а появление епископа-эстонца считали делом первостепенной важности [*Чрезвычайный съезд*]. Именно поэтому в 1918 г. появился эстонский викарий — епископ Платон, а в Латвии и Литве епископа не было.

2. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 86. Д. 33. Л. 4–4об.,
6об.–8.

В начале же 1890-х гг., эстонская часть общины стала требовать создания отдельного эстонского прихода с эстонским же священником во главе. Такой приход был создан, и его ловко возглавил только что окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию эстонец Павел Петрович Кульбуш, который был рукоположен в 1894 г.³ Приход, выделившийся из прибалтийского прихода надвратной церкви Александро-Невской лавры, разместился (временно, до момента постройки собственного храма) максимально близко к Адмиралтейским верфям — в большом шестипрестольном Малоколоменском Воскресенском храме (ныне — пл. Кулибина). Условия, в которые поставили эстонский приход, были равносильны кабальным, но других возможностей у него не было⁴ [Костромин 2009, 63]. Чуть позднее прот. Павлу Кульбушу удалось добиться более льготных условий совершения богослужений⁵.

Инициатива в создании эстонского прихода, а затем — и братства, принадлежала прот. Павлу Кульбушу, легко убедившему высшее церковное руководство в острой необходимости этого. Многочисленные опубликованные источники и архивные документы указывают на двух инициаторов создания православного церковного центра в Петербурге — это митрополит Санкт-Петербургский Палладий (Раев) и обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев⁶ [Отчет 1900, 4, 44, 14]. Понятно, что ими руководило желание опередить или, по крайней мере, не отстать от общественного воодушевления, выражавшегося в открытии самых разнообразных национальных обществ, некоторые из которых вполне недвусмысленно ставили националистические и даже политические антиимперские задачи. Поэтому сразу после оформления прихода перед прот. Павлом Кульбушем была поставлена цель организовать эстонское православное братство, которое стало бы православным ответом социальным инициати-

3. Когда стало известно об учреждении этого эстонского столичного прихода, желающих занять место настоятеля оказалось много. Шансы молодого выпускника духовной академии занять это место оказались невелики, однако он смог добиться сохранения этого места именно для него, пока он решал вопрос брака, собирал документы для рукоположения.

4. Под кабальными подразумеваются общие условия существования эстонского прихода при этом храме — совершение богослужения за час,

между ранней и поздней литургиями, покупка в храме свечей, вина и просфор для совершения богослужения, оставление кружечного сбора также на содержание храма, отсутствие помещений, где эстонцы могли бы собираться, и, как результат, лишение эстонского прихода перспектив формирования полноценной приходской жизни и надежд на постройку своего храма.

5. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 3. Д. 60. Л. 10.

6. ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 1. Д. 289. Л. 4.

вам секулярно настроенных эстонцев [Власов 2016а]. Ему было велено искать место для постройки храма и братского дома, и была обещана материальная и административная поддержка. Смерть митр. Палладия в 1898 г. не повлияла на реализацию данных планов, так как К. П. Победоносцев был еще в зените, а новый митрополит Антоний (Вадковский) поддержал эту инициативу.

Поводом к созданию братства стала общецерковная канонизация эстонского святого XV в. сщмч. Исидора Юрьевского, инициатором которой стал архиепископ Рижский Арсений (Брянцев) [Костромин 2008; Костромин 2017а]. Канонизация этого святого благодаря созданию братства в Петербурге имела в столице куда больше результатов, чем в самой Эстонии — там был построен всего один храм в честь него (в Валге). Братство было учреждено в том же году, в котором совершилась канонизация сщмч. Исидора, и получило его имя.

Фактически новое братство стало своеобразным «слепком» с Православного прибалтийского братства М. Н. Галкина-Враского, хотя и имело заметно иные по сравнению с ним цели. Если последнее занималось поддержкой православных школ и храмов в самой Прибалтике, то Исидоровское братство должно было поддерживать православных эстонцев, живших или приезжавших в столицу [Отчет 1900, 19–33; Власов 2016а, 178–179]. Жизнь братства, если судить о ней по отчетам, публиковавшимся с 1900 г. (первый — сразу за два года) по 1916 г. (за 1915 г.), сводилась к одному-двум торжественным заседаниям братчиков, проводившимся прежде всего с целью собрать годовые взносы и напомнить о себе широкой общественности, а также к той социальной деятельности, в которой Совет братства отчитывался перед братчиками во время этих торжественных собраний. С учетом того, что граница между приходом и братством была более чем размытой, отчеты о деятельности перед братчиками носили формальный характер, что очень походило на формы деятельности Православного прибалтийского братства. Любопытно, что, создав братство во имя сщмч. Исидора, прот. Павел Кульбуш сразу же вошел в состав правления Православного прибалтийского братства, в то время как практически никто из попечителей и руководства Прибалтийского братства (только М. Н. Галкин-Враской был записан пожизненным братчиком) не вошел в братство сщмч. Исидора. Последнее продолжало держаться особняком [Двадцатипятилетие братства, 17–19; Отчет 1900, 14, 44–58].

Для успешного функционирования братство и приход должны были обзавестись помещениями, однако перед прот. Павлом Кульбушем здесь вставали труднопреодолимые препятствия. Приход имел почти нулевой доход из-за тяжелых условий пребывания в Малоколоменском храме. Собранные православными эстонцами деньги на постройку храма (недостаточные даже для начала строительства) о. Адам Симо попытался удержать для своих нужд [Костромин 2009, 56]. Не было места для строительства. Все эти вопросы решались почти 10 лет, и только в первые годы XX в. строительство потихоньку началось. Ради этого провели даже общероссийский кружечный сбор на постройку эстонского храма в столице, хотя не все деньги дошли до эстонского прихода. Те средства, которые шли из Сибири и Дальнего Востока и оказались в Петербурге после начала русско-японской войны, были реквизированы властями на ведение войны⁷. Тем не менее, эстонский уроженец, академик архитектуры А.А. Полещук создал проект храма с домом для братства, а прот. Павел Кульбуш нашел место на пересечении Екатерининского канала и Большой Мастерской улицы (ныне — угол Лермонтовского проспекта, проспекта Римского-Корсакова и канала Грибоедова), хотя, поскольку поначалу в выделении этого участка власти отказали — здесь был сквер, — рассматривался значительно менее удобный вариант в районе Нарвских ворот⁸ [Антонов, Кобак, 102]. Строительство начали именно с братского дома, в актовом зале которого, из-за неготовности храма, епископом Гдовским Константином (Булычевым) была освящена временная церковь. Возведение храмового комплекса было закончено в 1907 г. освящением храма [Отчет 1904, 11–12; Власов 2015], но проблемы со строительством сопровождали жизнь прихода и братства еще в течение нескольких лет и постепенно сошли на нет только к 1913 г., едва не став причиной для крупного столичного скандала⁹.

По Уставу братство сщмч. Исидора было создано с целью «1) православного просвещения проживающих в столице православных эстонцев и 2) для удовлетворения важных нужд их прихода». Приход был центром братской жизни, что отразилось в § 4: «Братство имеет обязанностью заботиться о нуждах прихода: а) приходского храма, б) церковно-приходской школы и в) о бед-

7. ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 1. Д. 289. Л. 4.

8. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 80. Д. 129.

9. ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 1. Д. 289. Л. 4; Д. 241, 258, 288.

ных». Дело построения храма и его содержания названо в уставе «главным делом братства», остальные уставные цели достигаются за счет излишков после реализации главной цели. Особо был обговорен вопрос, откуда берутся и как тратятся средства братства [*Устав*, 4, 6, 8].

Ответить на вопрос, насколько братство действительно реализовывало уставные цели, сложно. Единственным открытым источником, выявленным на данный момент, являются отчеты о деятельности братства, выпускавшиеся отдельными брошюрами каждый год с 1900-го (первый — сразу за два года) по 1916 г., поэтому последним годом, о котором есть отчет, является 1915 г. В 1917 г. отчет не напечатали, нет отчета и за 1917 г. В архивах нет документов о деятельности непосредственно братства, не выявлены и мемуарные источники, а также упоминания о деятельности братства в периодике.

Однако более внимательный взгляд на сохранившиеся источники делает вопрос о соотношении братства и прихода еще более запутанным. Так, в целом ряде документов за различные годы, вплоть до 1918 г. упоминается церковь сщмч. Исидора Юрьевского «при русско-эстонском братстве»¹⁰. Однако встречается и обратное упоминание. Любопытные сведения представляет рапорт Санкт-Петербургской консистории земскому суду в связи с серией исков к Исидоровскому братству о неуплате за работы по строительству братского дома с храмом. Там приводится разговор между уполномоченными представителями консистории с клириками храма (священником Александром Пакляром, вторым священником, и диаконом Карпом Эльбом). На вопрос, кто может предоставить сведения о деятельности братства, они дружно заявили, что обращаться надо в правление братства, а еще лучше — в строительную комиссию братства, поскольку приход храма не связан напрямую с деятельностью братства. Однако затем, на уточняющий вопрос, кто входит в состав строительной комиссии, они вынуждены были сообщить, что все клирики, за исключением настоятеля, туда и входят, а прот. Павел Кульбуш, в свою очередь, является председателем правления братства. Дьякон Карп Эльб был делопроизводителем строительной комиссии и смог предоставить полный комплект документов, включая платежные поручительства, из которых явствовало, что долг составляет 1/5 стоимости храма и платить эти огромные деньги ни братство, ни храм

10. ЦГИА СПб. Ф. 156. Оп. 2. Д. 3. Л. 103.

не могут и даже не пытаются¹¹. Этот любопытный документ позволяет утверждать, что братство как организация было в значительной степени фикцией. По сути, имела место социальная деятельность эстонского прихода в виде школы для детей, рабочего дома, библиотеки, а для того, чтобы наладить их финансирование, было учреждено братство как дополнительное юридическое лицо, целью которого было изыскание средств в виде частных пожертвований и братских взносов, причем не только эстонцев, но и русских, что и было более или менее налажено.

Конечно, такое положение дел во многом объясняется тем, что русско-эстонское братство в Петербурге встретило мощную конкуренцию среди общественных организаций, ориентированных на помощь или просвещение эстонцев, проживавших в столице. Выше уже говорилось, что всего эстонских общественных объединений в Санкт-Петербурге в начале XX в. было не менее 15. Эту цифру можно уточнить. Из общего их числа 10 были заняты той же социальной деятельностью, которую можно видеть и в русско-эстонском братстве — благотворительность, просвещение, образование, помощь в трудоустройстве. Так, в Петербурге в начале XX в. на образовательном поприще действовали Санкт-Петербургское эстонское общество взаимной помощи ремесленников¹², содержавшее школу¹³; Эстонское женское благотворительное общество с общеобразовательными курсами¹⁴; Санкт-Петербургское эстонское общество образования и призрения сирот¹⁵; Санкт-Петербургское общество убежища и училища для малолетних детей эстонского происхождения¹⁶; Эстонское общество вспомоществования учащихся в высших учебных заведениях¹⁷ и Эстонское общество образования (с курсами Эхлетберга). Попечение о бедных эстонцах оказывали уже упомянутое Санкт-Петербургское эстонское общество взаимной помощи ремесленников и Санкт-Петербургское эстонское ссудо-сберегательное товарищество¹⁸. Главным рупором просвещения была газета «Петербург — Театая», распространявшаяся и при Исидоровском храме¹⁹ [*Мелдре, Реймо, 125*]. Санкт-Петербургское эстонское

11. ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 1. Д. 289. Л. 3–3 об.

12. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10714.

13. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10714, 11129.

14. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11130.

15. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14183^А; Ф. 287.

Оп. 1. Д. 406.

16. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17472.

17. ЦГИА СПб. Ф. 492.

18. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1058.

19. ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 6. Д. 22.

общественное собрание было большой разветвленной организацией, активно действовавшей в Петербурге и окрестностях²⁰. Существовало и имевшее к началу века как минимум 8 филиалов в разных населенных пунктах от Озерков и Лигово (тогда — предместий Петербурга) до Нарвы, Ямбурга и Луги Эстонское общество образования²¹. Многие подобные перечисленным выше обществам организации возникли в Пскове, Гдове, Гатчине, Нарве, Ямбурге (ныне — Кингисеппе), Зимитицах, Зарицах, Дубицах и других населенных пунктах²². Эти крупные эстонские общественные организации стали главными конкурентами братства, так как на основе русско-эстонского прихода около 1900 г. было создано благочиние эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии, насчитывавшее также порядка 8 храмов в разных населенных пунктах, в том числе и весьма удаленных от Петербурга²³.

Иными словами, помимо братства сщмч. Исидора в той же сфере действовало не менее 10 иных, светских обществ (здесь не учтены лютеранские, так как конфессиональные границы не давали возможности этим обществам существенно конкурировать друг с другом), а если брать данные по всей губернии, то таких обществ, которые «перетягивали» друг у друга контингент, насчитывалось не менее 20. Таким образом, братство оказалось не только далеко не единственным социальным учреждением, но и сильно проигрывало численностью, а порой и материальными возможностями светским обществам, появление которых являлось «инициативой снизу», куда более живучей и «живой», чем созданное по воле Синода и консистории церковное братство. Исидоровское братство, деятельность которого, если отличать его от благочиния эстонских приходов (что вполне естественно), не распространялась за пределы Санкт-Петербурга, не могло никак конкурировать с огромным Прибалтийским православным братством, имевшим 11 отделений, несколько десятков храмов и школ по всей Прибалтике, существовавшим уже более четверти века, если не считать годы раздельного существования братств, легших в его основу (с 1869 г. — почти 50 лет к 1917 г.),

20. ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 3. Д. 4717; Ф. 254. Оп. 1. 9639; Ф. 1648. Оп. 1. Д. 805.

21. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 18201; Ф. 256.

22. См.: ЦГИА СПб. Ф. 139; Ф. 479. Оп. 22; Ф. 569. Оп. 13, Ф. 253 (газеты) и Ф. 254 (общества), — в том числе общества трезвости, лютеранские общества, благотворительные общества и прочие (общества взаимной помощи при пожарах, эстон-

ский драматический кружок, эстонское общество велосипедистов, эстонское купеческое общество, эстонское общество молодых людей и др.), которые по направлению своей деятельности не пересекались с братством сщмч. Исидора Юрьевского, но также занимали и объединяли эстонцев.

23. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3927.

и пользовавшимся Высочайшим покровительством. Ну и нельзя забыть про политические партии, в том числе РСДРП, которая очень активно обрабатывала эстонцев в начале XX в., была достаточно среди них распространена и, соответственно, тоже была в какой-то степени «конкурентом» братству. Целый ряд перечисленных выше эстонских общественных объединений «прикрывали» политическую деятельность. Так, внимание полиции привлекло Санкт-Петербургское эстонское общество трезвости как политический кружок [Власов 2016б], а также некоторые отделения Санкт-Петербургского эстонского общества образования и призрения сирот. За ними в 1908 г. был установлен «тщательный полицейский надзор», как и за целым рядом иных «просветительных обществ», в том числе эстонских, поскольку в их руководстве состояли политически неблагонадежные граждане империи²⁴. Впрочем, как показали события менее чем десятилетие спустя, этот надзор оказался слабым средством для борьбы с революционно настроенным элементом.

В 1917 г. братство, вероятно, прекратило свое существование. Никаких официальных решений по этому поводу не принималось. Нет ни решений консистории, доживавшей последние дни, ни общего решения собрания братства о самороспуске. Однако нет и никаких документов или свидетельств, позволяющих говорить о функционировании братства. Летом 1917 г. ученики братской школы разошлись на каникулы, чтобы больше не вернуться под крышу братского дома. К 1916 г. и прот. Павел Кульбуш стал постепенно отходить от непосредственной организации приходских дел. Настоятель Исидоровского храма был озабочен иными вопросами. Весь остаток 1916-го и начало 1917-го г. он, как председатель правления епархиального свечного завода, пытался добиться удешевления восковых церковных свечей, так как Россия, как ни странно, производила очень мало воска, его приходилось покупать за границей, в том числе в США [Кульбуш, № 16, 8–9]. Важность решения данного вопроса прот. Павел Кульбуш понимал совершенно отчетливо. Только за январь 1917 г. Исидоровский храм получил от продажи свечей 938 рублей, что составляло 75 % всех денег, полученных храмом за месяц²⁵. Для сравнения:

24. ЦГИА СПб. Ф. 960. Оп. 2. Д. 415. Л. 3–12, 23–25, 28–39, 42–43, 45, 52.

25. ЦГИА СПб. Ф. 156. Оп. 2. Д. 1. Л. 36 об.–41.

в последний отчетный из известных 1915 год Братство получило 8600 рублей [Отчет 1916, 22–23]. Очевидно, что храм «кормил» социальные проекты братства, которое просто реализовывало их. Вопросами организации свечного производства прот. Павел Кульбуш, избранный председателем ревизионной комиссии IV Всероссийского съезда деятелей епархиальных свечных заводов, занимался по крайней мере до лета 1917 г. [Указ, 1].

В декабре 1917 г., вскоре после отъезда прот. Павла Кульбуша в Эстонию (где он будет пострижен в монашество, рукоположен в епископы Ревельские и погибнет за Православие в революционной Эстонии в 1919 г.²⁶) состоялись стихийные собрания прихожан, которые постепенно оформятся именно в совет прихода, а затем — в двадцатки²⁷ [Костромин 2017б]. За неимением средств был уволен один из псаломщиков, а вакансия диакона, объявленная в «Известиях по Петроградской епархии», скоро исчезла с его страниц. Школа свою работу не возобновила, помощь бедным оказывать было нечем. Исчезло и благочиние эстонских приходов, хотя на место прот. Павла Кульбуша благочинным успели избрать свящ. Александра Пакляра, нового настоятеля Свято-Исидоровской церкви. Про братство скоро забыли, так как революционные события, изменившие не только направление развития страны, ее политический строй и состав правящей элиты, но и положение церкви в государстве, не способствовали более существованию данной формы кооперации православных верующих. Однако дело окормления православных эстонцев не умерло. Теперь оно называлось «Кружком ревнителей благочестия», в рамках которого приход, теперь уже без братства, продолжал просветительскую деятельность²⁸ [Шкаровский, 38].

История Православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского оказалась достаточно короткой — менее 20 лет. На фоне таких «титанов», как Православное прибалтийское братство, оно кажется небольшим и не особо значимым. Однако это далеко не так. Протоиерею Павлу Кульбушу удалось в короткий срок создать общество, заметное в жизни столицы Российской империи, и даже в какой-то степени улучшить окормление православных эстонцев в целом. Причем на пустом

26. Священномученик Платон, епископ Ревельский, прославлен в лике новомучеников на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г.

27. ЦГИА СПб. Ф. 156. Оп. 2. Д. 3. Л. 103–104 об.

28. ЦГИА СПб. Ф. 156. Оп. 2. Д. 3. Л. 98 об.

месте за короткий срок была создана сеть православных эстонских приходов, объединенных в одно общее движение. Жизнь и деятельность как эстонского благочиния, так и эстонского братства (первое было значимее и крупнее второго) укладывались в традиционные рамки деятельности православных приходов и обществ, при них создававшихся, подчинялись общим административно-бюрократическим принципам и не предложили чего-то такого, что можно было бы назвать «прорывом». Однако сама идея системного окормления православных эстонцев, поставленная в начале 1890-х гг. группой эстонских верующих, которую возглавил будущий сщмч. Платон, а тогда свящ. Павел Кульбуш, оказалась вполне жизнеспособной, просуществовала (по нисходящей) до начала 1930-х гг., обойдя все препятствия в виде обновленчества и иосифлянства. Однако следует отметить, что братство было немислимо без прихода и храма, в то время как приход и храм без братства могли существовать и продолжили существование после 1917 г., чего нельзя сказать о братстве. Таким образом, братство сщмч. Исидора стало одним из вспомогательных проектов, позволивших эстонской православной общине Санкт-Петербурга реализоваться.

Источники и литература

1. *Антонов, Кобак* = Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга : Энциклопедия христианских храмов. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Лики России, Спас, 2010. 512 с.
2. *Власов 2015* = Власов А. Г. Праздник православных эстонцев Петербурга 24 августа 1903 г. // Историко-психологические аспекты праздничной культуры : Мат-лы 38 Междунар. науч конф., Санкт-Петербург, 14 декабря 2015 г. / Под ред. С. Н. Полторака. СПб. : Полторак, 2015. С. 129–133.
3. *Власов 2016а* = Власов А. Г. Из истории «Санкт-Петербургского православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского» : 1898–1911 гг. // Клио. 2016. №1 (109). С. 180–185.
4. *Власов 2016б* = Власов А. Г. Санкт-Петербургское эстонское общество трезвости «Ustavus»: сохранение традиционной культуры, борьба с пьянством или объединение социал-демократов? // Финно-угорский мир. 2016. №1 (26). С. 65–72.
5. *Двадцатипятилетие братства* = Двадцатипятилетие деятельности состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Прибалтийского православного братства. СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1907. 93 с.

6. *Костромин 2008* = Костромин К. А. Исидор и Иоанн — православные священники г. Тарту во второй половине XV века // Провинциальное духовенство дореволюционной России : Сборник науч. трудов междунар. заоч. конференции / Научно-исслед. центр церковной истории и православной культуры им. В. В. Болотова. Вып. 3. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2008. С. 295–304.
7. *Костромин 2009* = Костромин К. А. Свято-Исидоровская церковь сегодня и сто лет назад // Коломенские чтения, 2008 : Альманах / Под ред. В. В. Антонова. Вып. 3. СПб. : Арденн, 2009. С. 51–66.
8. *Костромин 2017a* = Костромин К. А. «Страдание священномученика Исидора» как исторический источник и литературный памятник конца XV — середины XVI века // Древняя Русь : Во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωσια : Εν χρόνω, εν προσώπω, εν εἰδέι. Вып. 8. / Под ред. д. и. н. П. И. Гайденко. Альманах. 2017. С. 149–163.
9. *Костромин 2017b* = Костромин Константин, прот. Свято-Исидоровский приход и его причт в 1917 году // Православные эстонцы Петербурга. 1917: до и после : Материалы научно-просветительской конференции (Санкт-Петербург, 8 октября 2017 г.) / Сост. и ред. прот. К. Костромин. СПб. : Б. и., 2017. С. 18–32.
10. *Костромин 2018* = Костромин Константин, прот. Священномученик Платон, епископ Ревельский: проблема сохранения Православия на постимперской территории // Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи : Материалы XVI Международной научно-богословской конференции (21–22 ноября 2017 г.). Казань, 2018. В печати.
11. *Кульбуш* = Кульбуш Павел, прот. О практических мерах к развитию в Петроградской епархии пчеловодства и добычи воска // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 11–12. С. 11–12; № 16. С. 8–9.
12. *Мелдре, Реймо* = Мелдре А., Реймо Т. Издательская деятельность эстонцев в Санкт-Петербурге до Второй мировой войны // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. Т. 213. С. 124–133.
13. *Мусаев* = Мусаев В. И. Эстонская диаспора на северо-западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. СПб. : Нестор, 2009. 212 с.
14. *Чрезвычайный съезд* = Чрезвычайный съезд клира и мирян Рижской епархии в г. Юрьев, Эстляндской губ., 25–26 мая 1917 года // Рижские епархиальные ведомости. 1917. № 5–6. Май–июнь. С. 149–157.
15. *Отчет 1900* = Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского : Отчет о деятельности братства за 1898–9 г. существования Братства. СПб. : Б. и., 1900. 82 с.

16. *Отчет 1904* = Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского : Отчет о деятельности братства за 1903 г. существования Братства. СПб. : [Б. и.], 1904. 48 с.
17. *Отчет 1916* = Санкт-Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского : Отчет о деятельности братства за 1915 г. существования Братства. СПб. : [Б. и.], 1916. 39 с.
18. *Указ* = Указ из Святейшаго Правительствующаго Синода Преосвященному Вениамину, Архиепископу Петроградскому и Гдовскому // Известия по Петроградской епархии. 1917. № 30–31.
19. *Устав* = Петербургское православное эстонское братство во имя священномученика Исидора Юрьевского : Устав Петербургского православного эстонского братства во имя священномученика Исидора Юрьевского : [Утв. 8 июня 1898 г.]. St. Peterburgis : Б. и., 1898. 15 с.
20. *Шкаровский* = Шкаровский М. В. Общины православных эстонцев на Северо-Западе России в 1917–1930-х гг. // Православные эстонцы Петербурга. 1917: до и после : Материалы научно-просветительской конференции, Санкт-Петербург, 8 октября 2017 года / Сост. и ред. прот. К. Костромин. СПб. : Б. и., 2017. С. 33–54.

Список сокращений

ЦГИА СПб Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга

Archpriest Konstantin Kostromin

Brotherhood at Parish or Parish at Brotherhood? On the History of the Russian-Estonian Orthodox Brotherhood Named after the Holy Hieromartyr Isidore of Yuriev in Saint Petersburg

The Brotherhood named after the holy hieromartyr Isidore of Yuriev was established in 1898 in Saint Petersburg at the Estonian parish, immediately after the final canonization of the saint. The new brotherhood became a kind of “cast” of the Orthodox Baltic Brotherhood, founded by M. Galkin-Vrasky, although the latter’s objectives were markedly different. The immediate goal of creating the brotherhood was to build an Estonian Orthodox church in the capital and to get church life for Orthodox Estonians on the right track. In a fairly short time, the parish house was built at the expense of the brotherhood, which organized various social activities by having opened a school, a hospitage, a workhouse, a printing

house and a library with a reading room. However, due to the rigid connection with the parish, both structurally and organizationally, the brotherhood was to share its destiny. The active life of the brotherhood and the parish began to fade away in 1915 because of the new diocese-scale cares undertaken by Archpriest Paul Kulbush, the brotherhood's organizer, builder and rector of St. Isidore church (the future hieromartyr Platon, Bishop of Revel). The year 1917 undermined even more significantly the activities of the brotherhood. At first, Kulbush's departure to the Revel chair, then the outflow of former parishioners to Estonia, the economic crisis, the separation the school from the church forced to give up almost all social projects. By the beginning of 1918, the church nominally continued to be listed as the parish of the Estonian Orthodox brotherhood, but the brotherhood itself soon receded in memory.

KEYWORDS: Orthodox brotherhood, Orthodox Estonians, St. Isidore of Yuriev, Paul Kulbush, Platon of Revel, St. Isidor church, Orthodox parish, Orthodoxy in Saint Petersburg.